

Мейерхольд Всеволод
Эмильевич

113) 01.03

ОБРАЗА ДЕЙСТВИЯ

Экран и сцена - 2003 - янв. (13) - 43

Сообщаем телефон
отдела новостей "ЭС": 229-70-65

Прощание

Марию Алексеевну Валентей я знал со своих отроческих лет: она часто бывала в близком для меня доме Э.Гарина и Х.Локшиной. Приходила всегда как-то очень энергично, с рассказами или за советом. Отчего возникало во мне с ее появлением это ощущение свежести и движения? Думаю, из-за того дела, которым неизменно и так увлеченно занята была Мария Алексеевна.

— Рассказывайте, что нового, — не дожидаясь, пока гостья пройдет по коридору из передней в кухню, обращался к ней Гарин.

И Маша — так звали ее Гарин и Локшина, и так она впоследствии просила и меня называть ее, — рассказывала очередную новость, связанную с ходом дела. Теперь об этом деле во всех его подробностях можно прочесть в книгах, посвященных ее великому деду — Всеволоду Эмильевичу Мейерхольду. А тогда, в середине пятидесятых, мы жадно ловили из ее уст детали всего происходящего вокруг имени Мейерхольда, его реабилитации, его творческого наследия. Поскольку Маша не просто была в центре этих событий, она сама, быть может, даже не отдавая себе в этом отчета, была их центром и душой.

Маша была любимой внучкой Всеволода Эмильевича. Режиссер гордился своей дочерью Татьяной — коммунисткой, крупным хозяйственным работником, в чьем подчинении находился огромный подмосковный совхоз. Татьяна Всеволодовна Мейерхольд-Воробьева занималась коневодством, в этом занятии воплотив свою детскую любовь к лошадям. В юности она мечтала стать цирковой наездницей и даже брала уроки вольтижировки у одного знаменитого американского специалиста. И Марию Алексеевну с ее неумемной целеустремленностью я часто представлял себе в образе, в котором она предлежала порыв деда и матери — этакой амазонки, летящей сквозь все преграды, поверх барьеров к намеченной цели.

Маше не было и пятнадцати лет, когда в июне 1939 года арестовали Мейерхольда. С этого дня началось ее великое служение деду. Сперва — обивание порогов энкаведешных учреждений в попытке добиться его освобождения. Затем, когда были потеряны все надежды на то, что Всеволод Эмильевич жив, Маша предприняла невероятные усилия, чтобы добиться правды о его смерти. Много раз ей выдавали справки о том, что Мейерхольд скончался от «упадка сердечной деятельности». Но и дата (1942 г.), и причина были лживыми.

Тогда Мария Алексеевна совершает поступок редкостной отваги.

Надгробие на могиле З.Н.Райх она пре-

вращает в памятник не только Райх, но и Мейерхольду, запечатлев на камне его портрет и имя. Когда ее вызвали в КГБ и спросили, кто позволил ей сделать это, Мария Алексеевна дала ответ неотразимой логической и моральной силой: «А вы укажите мне место, где похоронен мой дед, и я поставлю памятник там. Пока же это место, известное только вам, держится в тайне, память Мейерхольда будет увековечена на могиле его жены...» И габисты отступились от нее.

В 1955 году, когда начался процесс реабилитации, Мария Алексеевна снова взяла на себя огромное бремя: необходимо было собрать большое число отзывов о Мейерхольде крупнейших деятелей культуры, прежде всего тех, кто был связан с ним совместной работой. И юная Маша повела за собой десятки маститых, обремененных не только званиями, но трудами и заботами писателей, актеров, композиторов. Шостакович и Эренбург, Ильинский и Пастернак, Юткевич и Гарин, Эрдман и Бабанова рассказали в своих отзывах не только военному прокурору Б.Ряжскому, но и всей стране, всему миру правду о безупречной честности и великом даровании Вс.Мейерхольда, давшего, по своему выражению Е.Вахтангова «корни театрам будущего». Причем в этом общем порыве ей порой удавалось объединить, если не сдружить, тех, кто десятилетиями находился в ссоре друг с другом.

На долю этой хрупкой с виду женщины выпала страшная душевная мука — читать письма Мейерхольда к его палачам, где 66-летний старик описывает зверские пытки, которым его подвергали в бериевских стенах. Эти письма были продолжением кошмара, обрушившегося на пятнадцатилетнюю девочку Машу в 1939 году, когда наемные убийцы зарезали в собственной квартире в Брюсовом переулке, спустя месяц после ареста Мейерхольда, его жену Зинаиду Райх. Видимо, тогда же, когда их детей выселяли из этой квартиры с тем, чтобы поселить в ней шофера Берия и еще одну «свиштуку» (выражение Маши) из того же ведомства — она дала себе клятву сделать все, что в ее силах, чтобы выяснить и утвердить в общественном мнении правду о своих близких и об их палачах. Вскоре после этого Маша мать — Татьяна Всеволодовна также оказалась арестованной.

Сорок лет без малого продолжалась эта борьба. «Бремя стыда» отживались братья на себя в то время не многие. Кто-то — молча, по, так сказать, индивидуальной программе. Известно, например, что Иван Семенович Козловский, живший в трехстах метрах от злосчастного дома, после убийства З.Райх ни разу не прошел и не проехал мимо него, совершая неблизкий обход

этого места, ставшего памятником разбоя и позора советской власти.

Маша добила того, что сначала, в семидесятые годы, на доме была установлена мемориальная доска. А спустя еще десятилетие квартира была освобождена от занимавших ее жильцов и превращена в мемориальный Музей-квартиру Мейерхольда. Надо было видеть, с какой любовью и тщательностью продолжала Мария Алексеевна восстанавливать и обустраивать квартиру в том виде, в котором она была при жизни Мейерхольда. И в конце концов добила того, что это место снова стало, как во времена Мейерхольда и Райх, одним из центров культурной жизни Москвы. И не только Москвы: к Мейерхольду по-прежнему устремляются из разных частей света поклонники его таланта, люди, изучающие историю театра.

Дом в Брюсовом переулке был при Марии Алексеевне — и так хочется верить, что и останется, в память об этой великой женщине — местом, где сохраняется атмосфера и дух Мейерхольда. Сколько книг о Мейерхольде, сколько страниц его творческого наследия вышло при самом деятельном участии Марии Алексеевны, бывшей бесценным секретарем Комиссии по творческому наследию режиссера! Не так давно в Москве открылся Центр Мейерхольда, построенный по последнему слову архитектуры и театральной техники. И в том, что это оказалось возможным, также велика заслуга Марии Алексеевны. Как не было бы без нее радения Музея Мейерхольда в Пензе.

Казалось, малой доли этих деяний хватило бы на жизнь любой, даже незаурядной женщины. А ведь Мария Алексеевна, преподававшая русский язык в средней школе, воспитала десятки учеников, а дома, вместе с мужем, выдающимся ученым-демографом Дмитрием Игнатьевичем Валентеем, — замечательных сыновей и внуков.

— Андрюша, вы должны сделать фильм о Мейерхольде, — не раз говорила мне Мария Алексеевна.

— Прежде, я хотел бы сделать фильм о вас. У меня даже название для такого фильма припасено.

— Какое?

— «Маша, внучка «Зонтика»

Мария Алексеевна смеется:

— Мне нравится. А почему зонтика?

— Ну, как же. Помните ту фотографию, где снята труппа Художественного театра, кажется, в Ялте, в гостях у Чехова. Мейерхольд был запечатлен на ней рядом с Книппер-Чеховой. Однако в годы, когда Мейерхольд был объявлен «врагом народа», под запретом оказалось не только его имя, его дело, но и его изображение. Но что делать с групповыми фотографиями? Какому-то холуе пришлось в голову «удач-

ная» мысль заретушировать фигуру Мейерхольда и заменить ее дамским зонтиком. В таком виде эта фотография в течение многих лет воспроизводилась во всех изданиях, связанных с историей Художественного театра. Вам это, конечно, известно лучше, чем кому бы то ни было: ведь вернулся Мейерхольд на свое историческое место отчасти благодаря вашим усилиям.

... Как-то, незадолго до ареста Мейерхольда, на одном из семейных сборищ стали гадать о будущей судьбе детей и внуков. Всеволод Эмильевич высказал свой прогноз относительно Тани и Кости, усыновленных им детей Зинаиды Райх и Сергея Есенина. Когда же очередь дошла до внучки Маши, Мейерхольд сказал: «Ну, а Маша — ясное дело, кем будет Маша — душою общества». Мы редко задумываемся над глубинным смыслом устойчивых выражений. Более того, представляем себе порой их чуть ли не в пародийном виде. Если же вдуматься в прямое и точное значение этих слов — оно как нельзя более полно определяет роль, которую — нет, не сыграла — прожила Мария Алексеевна Валентей — Маша Мейерхольд — в отпущенный ей земной срок. Вот почему я верю в то, что ее душа навсегда останется в этом обществе — обществе тех, кому дороги русская культура, русское театральное искусство и одна из его величайших вершин — творческое наследие Мейерхольда.

Андрей ХРЖАНОВСКИЙ